

Время выполнения заданий – 240 минут

Максимальное количество баллов – 100

Задание 1 (100 баллов)

1. Сочинение (эссе) по одной из трех тем.

Продуманно и логично постройте свое рассуждение!

Работа обязательно должна строиться на материале конкретных *литературных* произведений. Не забудьте о том, что у любого сочинения/эссе должны быть вступление (где вы формулируете проблему, обосновываете выбор произведений для анализа, обозначаете то, на что вы собираетесь обратить особое внимание), основная часть (где вы подробно и аргументированно развиваете ваши тезисы, приводите доводы «за» и «против», обосновываете вашу точку зрения и подходите к выводу) и заключение (где вы подводите итог всему сказанному, выделяете главное, делаете вывод из вашего рассуждения).

Что бы случилось, если бы на Кавказе познакомились Печорин и Чичиков?

Для чего А.С. Пушкин снабдил роман в стихах «Евгений Онегин» авторскими примечаниями?

Город (Москва, Петербург, любой, но *конкретный* город) в поэтических сочинениях (на примере не менее трех текстов)

2. Сопоставительный анализ

Сопоставьте фрагменты рассказа И.С. Тургенева «Певцы» (1850) и рассказа М. Горького «Как сложили песню» (1915). Укажите сходства и различия этих текстов, как содержательные, так и формальные (тематика, изображение человека, предметные ряды, символика, особенности лексики, авторская позиция) Не забывайте, что на основе ваших наблюдений следует сделать обобщающие выводы. Обязательно иллюстрируйте свою точку зрения примерами из текстов.

И.С. Тургенев

Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Все так и впились в него глазами, особенно рядчик, у которого на лице, сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха, проступило невольное, легкое беспокойство. Он прислонился к стене и опять положил под себя обе руки, но уже не болтал ногами. Когда же, наконец, Яков открыл свое лицо — оно было бледно, как у мертвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принёсся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но всё еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебаньем, за вторым — третий, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная песня. «Не одна во поле дороженька пролежала», — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была

и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, по той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся. Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянью зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... Я оглянулся — жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд и залился еще звонче, еще слаще прежнего; Николай Иваныч потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шёпотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого-Барина, из-под совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился... Не знаю, чем бы разрешилось всеобщее томленье, если б Яков вдруг не кончил на высоком, необыкновенно тонком звуке — словно голос у него оборвался. Никто не крикнул, даже не шевельнулся; все как будто ждали, не будет ли он еще петь...

М. Горький

— Ну-кошь, Машутка, подсказывай...

— Чего это?

— Песню сложим...

И, шумно вздохнув, Устинья скороговоркой запевает:

Эх, да белым днем, при ясном солнышке,
Светлой ноченькой, при месяце...

Нерешительно нащупывая мелодию, горничная робко, вполголоса поет:

Беспокойно мне, девице молодой...

А Устинья уверенно и очень трогательно доводит мелодию до конца:

Всё тоскою сердце мается...

Кончила и тотчас заговорила весело, немножко хвастливо:

— Вот она и началась, песня! Я те, милая, научу песни складывать, как нитку сучить... Ну-ко...

Помолчав, точно прислушавшись к заунывным стонам лягушек, ленивому звону колоколов, она снова ловко заиграла словами и звуками:

Ой, да ни зимою вьюги лютые,
Ни весной ручьи веселые...

Горничная, плотно придвинувшись к ней, положив белую голову на круглое плечо ее, закрыла глаза и уже смелее, тонким вздрагивающим голосом продолжает:

Не доносят со родной стороны
Сердцу весточку утешную...

— Так-то вот! -- сказала Устинья, хлопнув себя ладонью по колену. -- А была я моложе -- того лучше песни складывала! Бывало, подруги пристают: "Устюша, научи песенке!" Эх, и зальюсь же я!.. Ну, как дальше-то будет?

— Я не знаю, -- сказала горничная, открыв глаза, улыбаясь.

Я смотрю на них сквозь цветы в окне; певицы меня не замечают, а мне хорошо видно Глубоко изрытую оспой, шершавую щеку Устиньи, ее маленькое ухо, не закрытое желтым платком, серый бойкий глаз, нос прямой, точно у сороки, и тупой подбородок мужчины. Это баба хитрая, болтливая; она очень любит выпить и послушать чтение святых житий. Сплетница она на всю улицу, и больше того: кажется, все тайны города в кармане у нее. Рядом с нею, крепкой и сытой, костлявая, угловатая горничная -- подросток. Да и рот у горничной детский; маленькие, пухлые губы надуты, точно она обижена, боится, что сейчас еще больше обидят, и вот-вот заплачет.

Над мостовой мелькают ласточки, почти касаясь земли изогнутыми крыльями: значит, мошкара опустилась низко, -- признак, что к ночи соберется дождь. На заборе, против моего окна, сидит ворона неподвижно, точно из дерева вырезана, и черными глазами следит за мельканием ласточек. Звонить перестали, а стоны лягушек еще звучней, и тишина гуще, жарче.

Жаворонок над полями поет,
Васильки-цветы в полях зацвели,

— задумчиво поет Устинья, сложив руки на груди, глядя в небо, а горничная вторит складно и смело:

Поглядеть бы на родные-то поля!

И Устинья, умело поддерживая высокий, качающийся голос, стелет бархатом душевные слова:

Погулять бы, с милым другом, по лесам!..

3. Комментирование как интерпретация

Представьте, что вам предстоит стать публикатором приведенного ниже стихотворения Анны Ахматовой (1940) в хрестоматии (или интернет-издании) для школьников. Какие комментарии и почему вы бы к нему сделали? (Помните, что можно не только комментировать непонятные слова и выражения, но и отмечать переключки с другими памятными вам текстами, сопоставление с которыми может помочь понять смысл стихотворения.) Выпишите и пронумеруйте слова, словосочетания, строки, которые будут прокомментированы. Приведите примеры комментариев (не меньше 5). Напишите небольшую вступительную заметку к комментариям, где дайте краткую интерпретацию текста и объясните ваш выбор объектов комментирования.

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники чумного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать,—
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!